

Глава 38. Чэн Юй, мне не нужно, чтобы ты принимал наказание за меня!

Когда Ду Янь вошёл в двери, он увидел, как Юань Нин выходит из комнаты.

Увидев возвращение Ду Яня, она с улыбкой поприветствовала его:

— Сестра, наконец-то ты вернулась.

Рядом с Ду Янем Юань Нин выглядела всё меньше похожей на сестру-близнеца.

Юань Нин обладала изящной фигурой и утончёнными чертами лица. Ду Янь же был выше сестры больше чем на полголовы, с более мужественными чертами лица. Несмотря на рост, его фигура была лишена каких-либо округлостей.

В мужской одежде Ду Янь скорее напоминал не сестру Юань Нин, а её старшего брата.

Ду Янь опустил руку, позволяя Юань Нин обхватить его под руку.

— Ты ждала меня здесь?

— Я только что вернулась от матери. Слышала, что старшая сестра избивала Юань Цзюэ?

Юань Нин кивнула и не стала избегать присутствия Чэн Юя, который следовал за Ду Янем. За

эти годы она привыкла к тому, что этот заложник из Империи Чэн был как тень своей сестры.

Хотя сестра часто вела себя с Чэн Юем высокомерно, Юань Нин давно заметила, что тот, похоже, воспринимал это, как будто горечь была сладкой. Осознав это, она больше не пыталась убеждать сестру перестать «дразнить» Чэн Юя.

Ду Янь не удивился. Учтывая, как он раздувал ситуацию, неудивительно, что новость о произошедшем дошла до императрицы — хозяйки дворца.

Вместе трое отправились в главный зал. У дверей Ду Янь попросил Чэн Юя принести чаю, а сам с Юань Нин прошёл внутрь и уселся на стулья.

Когда они заняли места, Ду Янь спросил:

— Что по поводу ситуации с Юань Цзюэ? Что мать сказала?

Юань Нин подмигнула ему и с игривой улыбкой ответила:

— Сестра, ты боишься, что мать будет тебя ругать?

— А если так?

Поскольку план шёл по намеченному пути, настроение у Ду Яня было приподнятым. Он подхватил шутливый тон сестры, решив её подразнить.

— Тогда тебе придётся хорошо меня подкупить, чтобы я рассказала, — сказала Юань Нин, подперев подбородок рукой и с торжествующей улыбкой.

Ду Янь хорошо знал свою сестру и понимал, что она обожает собирать всевозможные диковинки с рынка.

Однако императрица считала, что в шестнадцать лет Юань Нин пора задуматься о замужестве. Её детское поведение не соответствовало этому возрасту. По приказу императрицы все безделушки, которыми была наполнена её комната, были убраны. Даже когда Юань Нин удавалось выйти за пределы дворца, ей запрещалось приносить свои покупки обратно.

Когда Юань Нин хотелось тайком заполучить очередную безделушку, её единственным источником был Ду Янь.

— Опять глаз положила на что-то у меня? Говори прямо, — произнёс он, приподняв бровь.

Юань Нин указала на кулон на поясе Ду Яня:

— Сестра, этот кулон у тебя на поясе просто великолепный.

Ду Янь снял нефритовый кулон и некоторое время подержал его на ладони. Увидев, как Юань Нин смотрит на него с ожиданием, он усмехнулся:

— У тебя довольно тонкий вкус. Значит, это из-за этого кулона ты так пристально рассматривала меня всё это время?

Юань Нин слегка покраснела.

— Не знаю почему, но, как только я его увидела, он мне сразу очень понравился.

— Хочешь его?

Как только Ду Янь произнёс это, на стол перед ним с глухим стуком опустился поднос.

Чэн Юй, которого он послал приготовить чай, вернулся как раз в этот момент. Возможно, Ду Янь был слишком чувствителен, но ему показалось, что поднос был опущен с чуть большей силой, чем обычно.

Изначально Ду Янь собирался отдать кулон Юань Нин, раз уж он ей так понравился. Это вполне соответствовало бы его «жестокому» характеру — отобрать украшение у Чэн Юя и затем передать его другому.

Однако появление Чэн Юя напомнило ему одну вещь.

В оригинальном сюжете Чэн Юй и Юань Нин были главными героями, их романтическая линия занимала важное место. Даже когда в последующих событиях Чэн Юй оставил Юань Нин, её чувства к нему оставались сложными до самой её смерти. А холодный и беспощадный император Чэн Юй хранил особое, мягкое место в своём сердце для неё.

Ду Янь был настороже и решил предотвратить повторение трагедии. В этой эпохе кулоны часто

использовались как символ романтических связей между мужчинами и женщинами, поэтому он не мог позволить, чтобы этот кулон оказался у Юань Нин.

— Даже если ты хочешь его, я не могу его отдать, — сказал Ду Янь, убрав кулон обратно на пояс.

— Сестра, почему? — Юань Нин недовольно надула губы.

Она не была человеком, который не понимает отказа, но в данном случае её задело то, что сестра сначала хотела отдать кулон, а потом вдруг передумала.

— Этот кулон очень важен для меня, — небрежно пояснил Ду Янь.

Но, как часто бывает, слушающий вложил в его слова больше смысла, чем говорящий. Тем более Чэн Юй, известный своей склонностью к внимательному анализу деталей. Его тело слегка напряглось, но он, словно ничего не произошло, спокойно вышел из комнаты.

Ду Янь, увлечённый разговором с Юань Нин, не заметил странного поведения Чэн Юя. Он продолжил:

— Хватит шутить. Что сказала мать?

Юань Нин оставила тему кулона и откровенно ответила:

— Мать думает, что ты слишком сильно ударила Юань Цзюэ, и беспокоится, что император накажет тебя за это.

Сказав это, она скривила губы в пренебрежении:

— Я думаю, мать зря переживает. Сестра, если ты ударила Юань Цзюэ, значит, он это заслужил. Император точно не станет тебя строго винить.

Ду Янь посмотрел на сестру. Под защитой императрицы и его самого Юань Нин казалась совсем не осведомлённой о бурных интригах, скрывающихся под внешним спокойствием дворца.

Юань Нин, несмотря на свою невинность, знала кое-что: император Юань недолюбливал императрицу, а также не проявлял особой привязанности ни к ней, ни к её старшей сестре. Однако она ничего не знала о текущем кризисе, связанном с семьёй У и императрицей. Она была абсолютно не осведомлена.

Ду Янь не собирался вводить Юань Нин в курс дела. Её наивность делала её уязвимой. Если бы она случайно проговорилась, это могло бы стать фатальной катастрофой для императрицы, самого Ду Яня и всей семьи У.

Он мягко похлопал Юань Нин по плечу, чтобы успокоить её:

— Да, Нин-эр права. Императрица-мать слишком волнуется.

Юань Нин, успокоенная словами сестры, вернулась в свои покои с лёгким сердцем. Как и ожидалось, на следующий день император Юань, узнав о произошедшем с Юань Цзюэ, впал в ярость.

Когда Ду Янь вошёл во дворец императрицы, внутри стояла напряжённая тишина. Лишь

изредка доносились тихие рыдания — жалобные и трогательные, способные вызвать у слушателя сочувствие.

Во главе зала сидели император и императрица. Лицо императора было мрачным, в глазах сверкал гнев. Императрица выглядела встревоженной и не сводила глаз с дверного проёма, ожидая прихода Ду Яня.

Перед ними на коленях стояла наложница Хуэй, рыдая, словно цветок груши под дождём. Рядом с ней на коленях, с искривлённой от боли позой, был Юань Цзюэ с перебитой рукой.

Евнух громко объявил:

— Старшая принцесса прибыла.

Услышав эти слова, наложница Хуэй выпрямилась и с возмущением заговорила:

— Великий император, если принц совершил преступление, он должен быть наказан, как любой другой человек. Но старшая принцесса избивала моего сына без причины. Прошу восстановить справедливость и защитить эту наложницу.

Ду Янь, не обращая внимания на её слова, спокойно подошёл к императору Юань и поклонился:

— Великий император.

Император Юань, несмотря на мрачное выражение лица, не стал сразу нападать. Он лишь спросил:

— Наложница Хуэй утверждает, что ты избила Юань Цзюэ на улице. Ты признаёшь это?

Ду Янь спокойно ответил:

— Это правда.

— У тебя есть что возразить?

— Ничего.

Пожалуй, именно это дерзкое и высокомерное поведение Ду Яня окончательно вывело императора Юаня из себя. Он с грохотом ударил по столу и гневно воскликнул:

— Юань Янь, будучи старшей принцессой, ты проявляешь неуважение к отцу и враждебность к своему младшему брату. Сегодня ты непременно будешь наказана по закону!

Ду Янь остался совершенно невозмутим. Он знал, что император Юань лишь делает вид, что сердится. На самом деле, в текущей ситуации он был слаб. Генерал всё ещё находился на границе, а семья У оставалась могущественной. В столь критический момент император не мог позволить себе серьёзно навредить императрице.

Ду Янь также понимал, зачем император устроил этот спектакль. Недавние действия императора Юаня насторожили семью У, и это событие он использовал, чтобы успокоить императрицу и заслужить расположение семьи У.

Действия императора Юаня, который «поднимает высоко, а затем мягко опускает», прекрасно

вписывались в его прежнее поведение, демонстрирующее отсутствие жёстких рамок в отношении старшей принцессы.

Как только императрица вмешается, император завершит сегодняшнюю комедию, воспользовавшись предложением, чтобы отступить с «осознанным великодушием».

Ду Янь сломал руку Юань Цзюэ не только чтобы выплеснуть гнев. Реакция императора Юань также была частью его плана.

Даже после такого инцидента император продолжит благоволять Ду Яню, что неизбежно усилит ненависть наложницы Хуэй и Юань Цзюэ. Если добавить к этому ложные обвинения со стороны их приближённых, они окончательно потеряют рассудок.

Однако Ду Янь не хотел слишком разозлить императора. Он спокойно опустился на колени и произнёс:

— Как повелитель намерен наказать меня?

Увидев, что Ду Янь смягчился, император Юань произнёс:

— Ты устроила драку на улице, причинив серьёзный вред. По закону полагается наказание в виде тридцати ударов палкой. Однако, учитывая, что ты женщина и признала свою вину, заменим их на тридцать ударов плетью — чтобы ты смогла вынести это.

Это всего лишь тридцать ударов плетью. Как только императрица заступится, наказание сократится до десяти ударов. Кроме того, палачи — опытные люди, и их удары не будут слишком суровыми. Ду Янь не придавал этому значения.

Но в тот момент, когда императрица собиралась вступить в дело, он услышал, как Чэн Юй, стоявший позади, сказал:

— Великий император, рука принца Цзюэ была случайно сломана мной и не имеет никакого отношения к старшей принцессе.

Император Юань холодно посмотрел на Чэн Юя:

— Принц Юй, я знаю, что ты близок с Янь-эр. Янь-эр всегда была своевольной и необузданной. Ей нужно преподать урок. Тебе не следует брать её вину на себя.

Ду Янь резко поднялся и гневно выкрикнул:

— Чэн Юй, за мои поступки не тебе, слуге, брать на себя вину!

Императрица тут же встала и поспешила к Ду Яню. Она схватила его за руку и сказала:

— Янь-эр, следи за своим поведением.

С виду это выглядело как попытка успокоить, но в действительности под прикрытием рукавов императрица тихо начертила что-то на его ладони.

Учитывая особую роль Ду Яня, императрица и он часто обсуждали важные дела, избегая прямых слов, чтобы защититься от возможной слежки. Для передачи секретных сообщений они использовали упрощённый набор символов.

Ду Янь сделал вид, что обеспокоен, отворачиваясь, но на самом деле пытался расшифровать сообщение королевы.

«Палач — человек наложницы Хуэй. Может быть разоблачение».

Глаза Ду Яня потемнели, и он замолчал. Императрица предупреждала, что палач связан с наложницей Хуэй. Если случится ошибка, может быть раскрыта его истинная идентичность.

Его положение влияло на слишком многих людей, поэтому в данный момент он не мог позволить себе никаких промахов.

Когда Ду Янь успокоился, Чэн Юй внезапно склонился на колени и с опущенной головой произнёс:

— На самом деле это сделал я. Старшая принцесса переживала, что меня накажут, поэтому не возразила вашим словам.

Появление Чэн Юя с готовностью взять на себя вину совпадало с желанием императора Юань завершить это дело, поэтому он решил не углубляться дальше.

— Если всё так, как ты говоришь, тогда ты понесёшь наказание, — произнёс император. — У тебя мужское тело, значит, тебе полагается 30 ударов палкой. Есть возражения?

— Нет, — спокойно ответил Чэн Юй.

Юань Цзюэ неожиданно вмешался:

— Отец, принц Юй является заложником из Империи Чэн, так что законы Империи Юань на него не распространяются. Я считаю, что его можно освободить от 30 ударов. Но за то, что он совершил преступление, избив принца на улице, его нужно наказать по-другому.

— Звучит разумно, — кивнул император Юань. — Скажи, что ты предлагаешь.

Юань Цзюэ встал, медленно обошёл Чэн Юя и с усмешкой произнёс:

— Почему бы не наказать его, сломав ту же руку? Как вам это?

Ду Янь нахмурился, но императрица снова остановила его. Он на мгновение замер, но, в конце концов, ничего не сказал.

Евнух, опытный исполнитель наказаний, быстро приступил к делу.

С резким щелчком лицо Чэн Юя побледнело. Он лишь тихо простонал сквозь сжатые зубы, на лбу выступил холодный пот.

Император Юань не мог быть слишком суров с союзным заложником, поэтому, махнув рукой, приказал привести врача, чтобы перевязать руку.

Каждый из присутствующих остался при своих мыслях, и эта нелепая сцена завершилась на такой ноте.

Когда Ду Янь уходил вместе с Чэн Юем, он обернулся и бросил взгляд на Юань Цзюэ, который смотрел на него с высокомерной гордостью.

Ду Янь слегка изогнул уголки губ и беззвучно произнёс: «Ну, погоди у меня».

<http://bllate.org/book/12445/1108036>